

Предметно-понятийный мир русской лирики в проекции «Словаря языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века»¹

В последние десятилетия в русистике сформировался устойчивый интерес к изучению русского языка как инструмента познания и репрезентации языковой картины мира. Отмечено, что отечественная когнитивная лингвистика базируется на лингвистических данных и использует «для решения поставленных проблем именно те [данные. – О.И.], что может извлечь лингвист при анализе языковых явлений, единиц, категорий, различных языковых форм» [1, с. 28]. В этом смысле «Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века»² занимает особое место среди словарей, описывающих русский язык в его эстетической функции. Образный мир русской поэзии представлен в нем через систему номинативных выразительных средств. Это позволяет использовать содержание словаря как материал для изучения концептосферы русского языка в том ее сегменте, который сформировался в итоге развития поэтического языка целой исторической эпохи. Как пишет Д.С. Лихачев, «...если изучать всю сферу концептов (или, иначе, «концептосферу» национального языка), то тут оказывается необычайное богатство и теснейшая связь с культурой народа – с литературой и устным народным творчеством в первую очередь» [2, с. 162], так, например, «...значение ‘путь’ как ‘жизненный путь’ традиционно вошло не только в систему русского языка, но и в систему русского поэтического мышления» [2, с. 160].

В «Словаре языка поэзии» более 350 тематических словарных статей, среди которых, например, *жизнь, смерть, беда, счастье, истина, любовь, поэзия, молодость, будущее, прошлое, вера, разум; Бог, ангел, дьявол, бес; солнце, луна, мороз, весна, осень, зима, небо, море, радуга, туман, свет; человек, девушка, старик, юноша, поэт, влюбленный, крестьянин; задумчивость, ненависть, отчаяние, печаль, радость, ревность, скука, смех, страх, тоска; деревня и город, поле и лес, вода, воздух и земля, душа и тело, рай и ад* и мн. мн. другие. Всё это темы, традиционно находящиеся в сфере внимания русских поэтов, темы, к которым в разные периоды обращаются разные авторы, не только воспроизводя узнаваемые устойчивые образы, через которые реализуется какая-л. тема (например, любовь как *огонь, жар, зной, пламя, пожар*), но и развивая её, добавляя новые краски, новые черты в соответствии со своими творческими задачами. Так, только у Игоря-Северянина традиционный огонь любви ассоциируется с летним месяцем июлем: «И поплыл я, вдыхая сигару, / Ткя седой и качелящий тюль, — / Погрузиться в твою Ниагару, / Сенокося твой *спелый июль*» («Эксцессерка»), а столетием раньше Жуковский воплотил любовное чувство в виде пламенных коньков – этот образ так и остался не повторенным: «Не я ль исчахнувши забвенья в кандалах, / Катался день и ночь на *пламенных коньках?* / И что же? Я забыт! О пол неблагодарный» («Коловратно-курьезная сцена...»). Игорь-Северянин использует также оригинальное представление любви как поезда: «Солнце, закатное солнце! твой дирижабль оранжев! / Сяду в него, — повинуйся, *поезд любви обгони!*» («В пяти верстах по полотну...»), и у одного лишь

¹ Работа создана при поддержке РГНФ, проект № 13-04-12026 «Образный инструментарий русской лирики». Статья содержит Приложение, не вошедшее в журнальную публикацию.

² Словарь является переработанным и значительно дополненным изданием книги тех же авторов: *Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века. М.: Астрель, Русские словари, Транзиткнига, 2004. 666 с.*

Шершеневича любовь выступает не просто как насилие (ср. традиционные *неволя, плен, железы, оковы* любви), а как совокупность людей, осуществляющих это насилие: «Под конвоем любви мне, шерамыжнику, / Кандалами сердца бряцать» («Песня-песней»); «Как пролетки промчались в крови... / А по улицам бродят, по панелям топчут / *Опричниной любви*» («Принцип растекающейся темы»). Подобные индивидуальные образы расширяют границы традиционной для поэзии темы любовной страсти, причем их новизна воспринимается именно на фоне устоявшихся ассоциаций.

Объем привлеченного материала в словаре чрезвычайно обширен: в нем представлена русская лирика почти полуторавекового периода – начиная от эпохи становления русской лирической поэзии в конце XVIII века (Тредьяковский, Сумароков, Богданович, Голицын, Державин, Капнист, Карамзин, Княжнин, Радищев, Хемницер и др.) через весь поэтический XIX век (Языков, Баратынский, Батюшков, Вяземский, Гнедич, Жуковский, Козлов, Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев, Некрасов, Бенедиктов, Полонский, К.Р., Хомяков, Павлова, Чюмина и др.) и кончая поэзией первой трети XX века, поражающей разнообразием поэтических систем и стилей (Блок и Маяковский, Северянин и Бунин, Цветаева и Ахматова, Волошин и Кузмин, Бальмонт и Есенин, Городецкий и Брюсов, Гиппиус и Мережковский, Клюев и Пастернак и др.). В словаре охвачены тексты более чем 270 авторов – это лирические произведения не только наиболее известных поэтов, чье творчество признано образцом и традиционно причисляется к поэтической классике, но и стихотворения малоизвестных или почти неизвестных авторов. Привлечение авторов «не первого ряда» принципиально необходимо при описании поэтического языка: его система складывается как совокупность отдельных поэтических систем – языков различных авторов, принадлежащих различным школам и направлениям.

Поэтизируемые темы, включенные в «Словарь языка поэзии», выявлены на основе лингвистического анализа множества текстов, позволившего определить уникальный объект словарной систематизации. Таким объектом являются образные или – шире – выразительные средства языка поэзии – поэтические номинации, или поэтические наименования. Поэтические номинации – это субстантивные сочетания слов и отдельные существительные, имеющие в поэзии особый эстетический смысл, особую семантическую и экспрессивную нагруженность и обладающие языковой формой, что позволяет опознавать и выделять их в контексте³. Именно языковая природа этих единиц обусловила принципиальную возможность лингвистического описания языка поэзии в словарной форме. Имеются в виду следующие типы единиц языка поэзии, составившие лексикографически обработанный материал словаря:

1) описательно-метафорические сочетания (*полог неба, полог небесный* – о небе, *бездна ночи, бездна ночная* – о ночи, *степь водная* – о воде);

2) перифрастические сочетания (*полог голубой* – о небе, *зеркало жидкое* – о воде, *мантия черная* – о ночи);

3) слова-символы, различные по своему генезису (*Муза, лира* – о поэзии, *наяда, кристалл* – о воде, *меч* – о войне, *пропасть* – о небе, *шелк* – о ночи, *завесы* – об облаках);

4) метафоры (*горение, остуда, голубок* – о любви, *таракашки, тли* – о людях, *астра, белолилия, лютик, хризантема* – о девушке, женщине, *брильянты, опалы, яхонты* – о каплях, *черепаха* – о лире), в том числе обратные (*радуга дуги* – т. е. дуга радуги, *паутина радуг* – т. е. радуга паутины, *озеро зеркал* – т. е. зеркалá озера);

5) метонимии (*люлька* – о детстве, *Слово* – об Иисусе Христе, *глас, карандаш, орган, палитра, резец, струна* – об искусстве, *паруса* – о кораблях);

6) признаковые словосочетания (*синева небес, зеркальность вод, тьма ночей, мрачность думы, мглистость души*);

---

³ Поэтические номинации как средства поэтического языка и компоненты художественного текста рассматриваются в работе [3].

7) признаковые слова в абсолютном употреблении (*лазурь, синь* – о небе, *зеркальность, синь* – о воде, *синева* – об озере);

8) субстантивированные формы – одиночные прилагательные, адъективные и причастные обороты, предикативные конструкции (*трёхликая, двурогая, Старый* – о луне, месяце, *влачащие посох железный* – о людях, *не имущий хлеба* – о бедняке, *безначальный, окропляющий травы росой, чей взор миры зажег* – о Боге, *та, что под крестом тогда стояла* – о Богородице, *гладкий, кто-то косматый, кривой и рогатый* – о бесе, черте, *идущий за плугом, чья жизнь, как ночь, темна* – о крестьянине);

9) прямые книжные наименования и лексические поэтизмы, не являющиеся образными (даются выборочно, напр., об осени – *дни осени*, о весне – *пора весенняя*, о лете – *время летнее* и др., о поэте – *певец, бард*, о крестьянине – *жнец, многострадалец*, о могиле – *гроб*, о воде – *влага*, о солнце – *светило* и др.).

Существенно, что все эти типы поэтических наименований – как тропы, так и единицы, не содержащие уподобления, – обладают качеством выделимости в художественном тексте: они достаточно легко узнаются и воспринимаются читателем именно как носители поэтического начала стихотворного текста. Как писал В.Д. Левин, касаясь специфики средств «поэтического языка», «среди этих общеязыковых средств поэтического языка фразеология в различных ее проявлениях – поэтические перифразы, описательно-метафорические сочетания, символика словесных сцеплений и под. занимает едва ли не первое место как по устойчивости и употребительности, так и по своей эстетической значимости» [4, с. 3].

Поэтические номинации сближены и объединены в тематические единства на основе отношения к одному общему понятию (далее называем его денотатом, в другой терминологии это «концепт»), причем это отношение понимается скорее как интерпретация этого понятия, а не обозначение (см. об этом ниже). Определение отнесенности какой-л. поэтической номинации к тому или иному общему понятию и последующее включение ее в соответствующую тематическую статью часто является непростой эвристической процедурой, требующей использования арсенала лингвистических и лингвопоэтических данных. При установлении ориентированности единицы на характеристику того или иного денотата постоянно учитывалось преобладание семантического критерия над формальным. Например, в тексте «Нет, не жди ты песни страстной, / Эти звуки – *бред неясный*, / Томный звон струны» (Фет, «Нет, не жди ты песни страстной...») перифраза употребляется в предикативной функции и формально характеризует *звуки*, однако так как *эти звуки* в контексте относятся к *песне*, а *песня* есть метонимическое обозначение поэзии, то, руководствуясь значением, выявляющемся при анализе художественного текста, эта перифраза включена в статью **о поэзии, поэтическом творчестве**. В тематическую статью **о поэтическом произведении, стихах** отнесено описательно-метафорическое сочетание *стон любви докучный* в стихотворении Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом»: по формальным основаниям оно связана с другим означаемым – *словами*, так как в контексте выступает в роли приложения: «*Докучный стон любви*, слова покажутся мои..», но по смыслу оно используется для обозначения стихов, поскольку *слова* здесь употреблено метонимически.

Словарь сформировался на основе обширного массива цитат⁴, извлеченных из источников XVIII–XX вв. ради поэтических наименований разных понятий и предметов, многие из которых являются крайне значимыми в поэзии. Л.Я. Гинзбург писала о «ключевых» или «больших» темах лирики, «которые касаются коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей и порой имеют источники в самых древних представлениях» [5, с. 153]. И хотя многие традиционные темы лирической поэзии

---

⁴ Важно отметить, что словарь не претендует на исчерпывающее включение материала первоисточников, поскольку пропуск отдельных единиц объективно и субъективно неизбежен. Это обстоятельство оставляет возможность для дальнейшего пополнения словаря, восполнения лакун, корректировки состава статей.

известны, принципиально важно в нашем случае отметить, что словарь не является заданным перечнем тем, под которые подбирался бы материал.⁵ Напротив, тематические статьи словаря сложились в процессе индуктивной работы, синтеза, восхождения от множества частных наименований, к которым задается вопрос «о чем это сказано?», к обобщенным темам; от номинативных единиц языка к смысловым единствам, объединенным общим ответом «это сказано о том-то». С достаточной степенью уверенности можем утверждать поэтому, что в словаре отражены практически все значимые темы русской лирики описываемого периода, отличающиеся воспроизводимостью, повторяемостью в поэтических текстах. Для тематики «Словаря языка поэзии» весьма значим и фактор лексикографической интуиции авторов⁶, поскольку в отдельных случаях было сочтено необходимым включить такие темы, которые могут показаться незначительными (*альбом, паутина, пот, росинка, хвоя*). По мнению авторов, в системе художественных представлений, отраженных в языке лирики, данные темы существенны: они или сопоставлены с другими темами (*росинка* и *снежинка, хвоя* и *лист*) и образуют группы по признаку синонимии/антонимии, или поэтизируются на протяжении всего рассматриваемого исторического периода (*паутина, пот*) и потому заслуживают своего места в словаре, или, как *альбом*, значимы для русской бытовой картины мира (по выражению Ю.М. Лотмана, «альбом был важным фактом «массовой культуры» второй половины XVIII – первой половины XIX в., являясь своеобразным рукописным альманахом» [7, с. 634]).

«Словарь языка поэзии» является разновидностью идеографического словаря⁷, выступает как тематически разнообразное собрание, в котором представлены названия экзистенциальных тем (*судьба, любовь, смерть, счастье, искусство, природа*), динамических сюжетов (*бой, застолье, похороны*), состояний и чувств человека (*болезнь, жалость, отчаяние, радость*), названия объектов и субъектов окружающей действительности (*радуга, туман, улица, фонарь, красавица, поэт, ребенок, юноша*), мифологических персонажей (*Адам, Ева, Морфей, Харон*) и персонажей сверхъестественного мира (*Бог, Иисус Христос, бес*). Полагаем, что совокупность денотатов, представленная в словаре, является поэтической проекцией языковой картины мира как она сложилась на протяжении почти полутора веков. Говорим именно о поэтической проекции, поскольку, отвлеченные от множества реальных контекстов, обобщенные понятия, во-первых, генетически принадлежат поэтическому дискурсу, а во-вторых, несут на себе отпечаток творческих личностей, общего и индивидуального поэтического мышления, а не мышления логического.

Как указывалось выше, каждая из тематических статей организована как самостоятельное множество поэтических номинаций, отнесенных к определенному

---

⁵ В сопоставительном плане – с точки зрения формирования тематического множества – показателен пример, реализованный в концепции общеязыкового семантического словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации», в котором парадигма ключевых концептов русского языка выявлялась на основе учета различных предварительно определенных факторов, например, выраженность концепта различными частями речи, т.е. многообразие его языкового проявления; представленность в частотных данных словаря-тезауруса синонимов русской речи, которые показывают, «какие сферы бытия наиболее значимы для русского национального сознания» [6, с. 9-10].

⁶ Роль компетенции составителей особо отмечается лексикографами: «...важным при отборе концептов для их включения в словарь оказывается и субъективный фактор, учитывающий собственные представления авторов-составителей словаря о наивной картине мира, значимости для нее тех или иных фрагментов бытия, их лексикографическая интуиция» [6, с. 10].

⁷ Общеизвестно, что в идеографических словарях «лексика подается не по алфавиту, а располагается по группам слов – лексико-семантическим группам, в которых все слова сближаются благодаря тому, что участвуют в выражении одного общего понятия (например, лексика цвета, лексика трудовой деятельности, лексика эмоций, лексика движения и т.п.). Подобное идеографическое описание лексики напрямую связано с выявлением закономерностей и особенностей отображения мира, т.е. с проблемой выявления русской языковой картины мира» [6, с. 4].

отрезку внеязыковой действительности – предмету, признаку или событию, который мы называем денотатом.⁸ Заголовок тематической статьи в словаре – это наиболее общее по смыслу и стилистически нейтральное название денотата в форме предложной конструкции с предлогом «о» (напр., **о Боге, о воздухе, о душе, о счастье** и т.д.). Использование предложной конструкции в качестве названия – это специальный прием, призванный «показать асимметрию между словом в его прямом значении и поэтической номинацией, природа которой полифункциональна в силу присущей ей способности совмещать номинативную функцию с функциями образной и эмоциональной, а семантика объемнее и глубже в силу большего количества составляющих ее сем» [8, с. 115]. Здесь возвращаемся, таким образом, к пониманию поэтической номинации как единицы, не только называющей, но и специфически интерпретирующей обозначаемый денотат. Действительно, в отличие от заголовка словарной статьи в общеязыковом толковом словаре заголовок «Словаря языка поэзии», например, **о жизни, бытии** лишь отсылает читателя к обозначенному понятию, показывает приблизительность этого обозначения, а не прямо называет понятие. Знак равенства между именем в названии и содержанием статьи, как это принято, например, в общеязыковых толковых словарях, в этом случае не ставится. Собранные под заголовком номинации не являются ни определениями, ни толкованиями, ни прямыми наименованиями того концепта, который выражен словом в заголовке. Нельзя сказать, что *мелькающие спицы* (Бунин), *бешеная тройка* (Есенин), *безбрежное колыханье без цели и следа* (А.К. Толстой) или *деловая сволочь прозаических сует* (Языков) это и есть жизнь, но это есть – определяемая контекстом, поэтической или культурной традицией, общеязыковыми или внутривоэтическими связями или интенцией автора – отдельная черта жизни, один художественный штрих на общей картине поэтизируемой темы бытия.

Информативный потенциал «Словаря языка поэзии» позволяет проанализировать отбор предметов и явлений действительности, имеющих описательное обозначение в поэтическом дискурсе. С одной стороны, в поэзии немало вечных тем, постоянно находящихся в фокусе поэтического осмысления у поэтов разных мировоззрений: «Это темы жизни и смерти и смысла жизни, любви, вечности и быстротекущего времени, природы и города, труда, творчества, судьбы и позиции поэта, искусства» [5, с. 153]. По мнению Л. Гинзбург, «в XIX веке наряду с темой природы, в противостоянии этой теме, утверждается новая, урбанистическая тема, тема города с его красотой, мощью, ужасом и жестокостью. Она в свою очередь скоро становится традиционной» [5, с. 153]. Но вот всплеск интереса к теме **улица** как неотъемлемой части города приходится уже на XX век, хотя ранее, по данным словаря, Пушкин и Бенедиктов каждый единожды затронули ее: «Стояли стогны озерами / И в них *широкими реками* / Вливались улицы» (Пушкин, «Медный всадник») и «Настала ночь. Утих базар. *Теснины улиц* глухи, немы» (Бенедиктов, «Бахчисарай»). Также в XX веке с появлением новых реалий, поражающих воображение современников, началась поэтическая разработка образных тем **автомобиль, самолет**, а немного раньше в орбиту поэтической образности попал **поезд** (Полонский, Бенедиктов, Якубович, Фофанов), ставший объектом ассоциативной игры прежде всего для Д. Бурлюка и С. Есенина. С другой стороны, такие темы, как **альбом, Бахус, благодарность, богатство, Борей; бражник, пьяница; Венера, добродетель, зависть; правила, требования общества; праздность, предрассудок** остались в истории поэтического языка, отмеченные лишь единичными интерпретациями поэтов начала века XX. В поэзии, как показывают материалы словаря, также бывает значимо обращение к таким сущностям, которые если и отражены в общеязыковых классификациях, то находятся на самых нижних ярусах логического дробления, таковы, например, кажущиеся очень узкими темы *звучания часов* или *звучания колокола, колокольчиков, бубенцов*. Кроме

---

⁸ В приложении дается пример – тематическая статья «Словаря языка поэзии» **О радости, удовольствиях**, которая используется далее для сопоставления со статьей концепта **радость**, разработанным в [6].

того, известный элемент общезыковой классификации может приобрести здесь особую значимость вследствие перенасыщения поэтическими коннотациями. Так, например, не равноценны понятие 'проститутка' и поэтическая тема *блудница*, разрабатываемая на протяжении полутора веков от Петрова, Карамзина, Пушкина и Теплякова до Ходасевича, Волошина, Игоря-Северянина, когда *прелест, лаис, цирцей, нимф и сирен* сменили *незабудки, орхидеи, ночная бабочка* (Игорь-Северянин) и *безгрешность порочного цветка* (Волошин). Значительное содержание в этой теме во все времена положительной, сочувственной оценочности в некотором смысле повлияло на само название тематической статьи – **о блуднице**, в котором, как кажется, удалось преодолеть «жесткость» общезыковой номинации (преодоление той же жесткости и в названии статьи **о бражнике, пьянице**).

Тематическое разнообразие, представленное в словаре, можно распределить по нескольким крупным разделам, опираясь на значимость для поэзии определенных типов тематики, интерес к которым не ослабевал на протяжении длительного исторического периода (см. цит. выше высказывание [5]). Это такие обобщающие, многосоставные разделы, как ПЕЙЗАЖ, ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, ЧУВСТВА И СТРАСТИ, МЫСЛЬ И РЕЧЬ, ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО, РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ, практически все они могут иметь дальнейшее членение, то есть быть как бы скелетными ветвями тематического дерева (предоставляем читателю возможность нарисовать это дерево). Особую специфику для поэтической картины мира представляет тема поэтического творчества, труда поэта, осмысление места этой деятельности в жизни самого поэта, что дает основание поставить ее на верхнюю ступень тематической классификации. Будучи очень значимой в поэтическом дискурсе, эта тема вместе с тем компактна и представлена в словаре статьями: **о поэзии, поэтическом творчестве; о поэте; о поэтическом вдохновении, творческом состоянии; о поэтическом произведении, стихах; об Аполлоне (Фебе); о музе; о Парнасе; о Пегасе; о рифме; о стихотворных строках; о строфах**. Именно освященное длительной традицией поэтической практики понимание тематики «поэт и поэзия» как исключительно важной и составляет прежде всего то особенное и неповторимое качество, которое определяет в целом классификационное отличие поэтической картины мира от той, что присуща общезыковому сознанию, в которой концепт *труд* (а тем более труд поэта и стихи как результат его труда) занимает далеко не первые позиции в иерархии понятийных категорий.⁹

Подход с позиции общезыкового сознания – логического и не ставящего в центр восприятия художественное понимание мира (ср., например, различие между понятиями *пейзаж* и *природа*) – также вполне возможен в отношении материалов «Словаря языка поэзии» и дает иную картину распределения его тематических статей. Верхнюю ступень классификации занимают многосоставные разделы ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК, БЫТИЕ, РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ, вторая ступень классификационного членения показана только для первых двух разделов.¹⁰

I. ПРИРОДА

I. Времена года. Времена суток ВЕСНА; ВЕЧЕР; ВОСХОД; ДЕНЬ; ЗАКАТ; ЗИМА; ЛЕТО; НОЧЬ; ОСЕНЬ; ПРИРОДА; РАССВЕТ; СУМЕРКИ, СУМРАК; УТРО

⁹ Согласно категоризации мира и ее подразделению на 15 основных денотативных сфер, принятой в идеографических словарях [6, с. 23-52], поэтический труд и связанные с ним в поэзии концепты относятся к подразделу 11.8 «Общественно-государственная сфера. Искусство» и частично к подразделу 10 «Сверхъестественное» (мифологические существа).

¹⁰ Понятно, что и поэтической и общечеловеческой картине мира присущи логические пересечения, вроде того, к чему относятся *вьюга* или *молния*: это стихии или это явления воздушного мира? *град* принадлежит стихиям или водному миру как застывшая вода? *болото* – это мир воды или земли? Автор статьи оставляет за собой право на субъективное решение подобных вопросов.

2. Стихии, явления БУРЯ, ГРОЗА; ВЬЮГА, МЕТЕЛЬ, ПУРГА; ЖАР, ЗНОЙ; МОЛНИЯ; МОРОЗ, ХОЛОД; ОГНИ; ОГОНЬ, ПЛАМЯ; ПАУТИНА; ПОЖАР; СВЕТ ('lux'); ТЕНЬ; ТЕПЛО; ТИШИНА, БЕЗМОЛВИЕ; ТЬМА; ЭХО

3. Водный мир БРЫЗГИ; ВОДА; ВОДОПАД; ВОЛНА; ГРАД; ДОЖДЬ, ЛИВЕНЬ; ЗАЛИВ; ИНЕЙ; КАПЛЯ; КЛЮЧ, РОДНИК; ЛЕД; ЛЬДИНА; МОРЕ; ОЗЕРО; ОКЕАН; ПАР; ПЕНА; ПОТОК, РУЧЕЙ; ПРУД; РЕКА; РОСА; РОСИНКА; СНЕГ; СНЕЖИНКА; СТРУЯ; ТУМАН

4. Воздушный мир, небесные сферы ВЕТЕР; ВИХРЬ; ВОЗДУХ; ГРОМ; ДЫМ; ЗАПАХ; ЗАРНИЦА; ЗАРЯ; ЗВЕЗДА, СОЗВЕЗДИЕ; ИСКРА; ЛУНА, МЕСЯЦ; ЛУЧ; НЕБО; ОБЛАКО; РАДУГА; СОЛНЦЕ; ТУЧА

5. Мир земли БОЛОТО; ГОРА; ДОРОГА; ЗЕМЛЯ; КАМЕНЬ; ПЕСОК; ПОЛЕ; ПУСТЫНЯ; ПЫЛЬ; СКАЛА; СТЕПЬ; УТЕС

6. Растения ВЕТВИ, ВЕТКИ; ВИНОГРАД; ДЕРЕВО; КУСТ; ЛЕПЕСТОК; ЛЕС; ЛИСТ; МОХ; САД; ТРАВА; УРОЖАЙ; ФРУКТЫ, ЯГОДЫ; ХВОЯ; ЦВЕТОК

7. Животные ЖИВОТНОЕ; НАСЕКОМОЕ; ПТИЦА; ПТИЧЬЕ ПЕНИЕ, КРИК

II. ЧЕЛОВЕК

1. Наименования человека БАЛЕРИНА, ТАНЦОВЩИЦА; БЕДНЯК; БЛУДНИЦА; БРАЖНИК, ПЬЯНИЦА; ВЛЮБЛЕННЫЙ, ЛЮБЯЩИЙ; ДЕВУШКА, ЖЕНЩИНА; КРАСАВИЦА; КРЕСТЬЯНИН; ПОКОЙНИК, УМЕРШИЙ; ПОЭТ; РЕБЕНОК, ДЕТИ; СЕВЕРЯНИН; СТАРИК, СТАРЕЦ; ЧЕЛОВЕК, ЛЮДИ; ЮЖАНИН; ЮНОША

2. Периоды жизни ДЕТСТВО; ЗРЕЛОСТЬ, ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ; МОЛОДОСТЬ, ЮНОСТЬ; СТАРОСТЬ

3. Части тела. Физические свойства и проявления БРОВИ; ВОЛОСЫ; ГЛАЗА, ВЗГЛЯД; ГОЛОВА; ГРУДЬ; ГУБЫ, РОТ; ЗУБЫ; КРОВЬ; ЛИЦО; ЛОБ; МОРЩИНЫ; ОБЪЯТИЯ; ПАЛЕЦ; ПЛЕЧИ; ПОТ; ПОЦЕЛУЙ; РЕСНИЦЫ; РУКА; РУМЯНЕЦ; СЕДИНА; СЕРДЦЕ; СЛЕЗЫ, ПЛАЧ; СМЕХ, ХОХОТ; ТЕЛО; УЛЫБКА; УХО; ШЕЯ; ЩЕКА; ЯЗЫК ('орган')

4. Свойства человека. Состояния человека БЕССОННИЦА; БЛЕДНОСТЬ; БОЛЕЗНЬ; ДОБРОДЕТЕЛЬ; ДОБРОТА, ДОБРОТЫ; ЗАДУМЧИВОСТЬ; ЛЕНЬ; МОЛЧАНИЕ; ОПЬЯНЕНИЕ; ПОКОЙ, СПОКОЙСТВИЕ; ПОРОК; СНОВИДЕНИЕ; СОН

5. Чувства. Страсти. Эмоции БЛАГОДАРНОСТЬ; ЖАЛОСТЬ; ДРУЖБА; ЗАБОТА; ЗАВИСТЬ; ВОЛНЕНИЕ, ТРЕВОГА; ГНЕВ, НЕГОДОВАНИЕ; ЖЕЛАНИЕ, СТРЕМЛЕНИЕ; ЗЛОБА, ЗЛОСТЬ; КОВАРСТВО, ХИТРОСТЬ; ЛАСКА; ЛЕСТЬ; ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВНАЯ СТРАСТЬ; МЕСТЬ; НАДЕЖДА; НАСЛАЖДЕНИЕ, БЛАЖЕНСТВО; НЕНАВИСТЬ; ОТЧАЯНИЕ; ПЕЧАЛЬ, ГРУСТЬ, СКОРБЬ; РАВНОДУШИЕ; РАДОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЯ; РЕВНОСТЬ; СКУКА; СТРАДАНИЕ; СТРАСТЬ, ЧУВСТВО; СТРАХ, УЖАС; СТЫД; ТОСКА; УТЕШЕНИЕ; ЯРОСТЬ

6. Предметный мир человека АВТОМОБИЛЬ; АЛЬБОМ; АРФА; ВИНО; ГРОБ; ДОМ, ПОМЕЩЕНИЕ; ЗВУЧАНИЕ КОЛОКОЛА (КОЛОКОЛЬЧИКА, БУБЕНЦОВ); ЗВУЧАНИЕ ЧАСОВ; ЗДАНИЕ, СТРОЕНИЕ; ЗЕРКАЛО; КИНЖАЛ; КЛАДБИЩЕ; КОРАБЛЬ, ПАРОХОД; КОСТЁР; КРЕСТ; ЛИРА; ЛОДКА; МАЯК; МОГИЛА; ОКНО; ОРУДИЯ; ОРУЖИЕ; ПАМЯТНИК; ПАРОВОЗ; ПАРУС; ПОЕЗД; РЕЛЬСЫ; САМОЛЁТ; СНАРЯДЫ; УГЛЬ; ФЛОТ; ФОНАРЬ; ФОНТАН; ЧАЙ; ЧАСЫ

7. Бытовая жизнь БЕДНОСТЬ, НИЩЕТА, НУЖДА; БЕДЫ, ГОРЕ, НЕСЧАСТЬЯ; БОГАТСТВО, РОСКОШЬ; БРАК, СУПРУЖЕСТВО; ЗАСТОЛЬЕ; ИЗМЕНА; ОЖИДАНИЕ; ПОХОРОНЫ; ПРАВИЛА, ТРЕБОВАНИЯ ОБЩЕСТВА; ПРАЗДНОСТЬ; ПРЕДРАССУДОК; ПРИВЫЧКА; РАЗЛУКА; СЧАСТЬЕ; ТРУД

8. Мысль и речь. Духовная жизнь БЕЗУМИЕ; ВЕРА; ВООБРАЖЕНИЕ, ФАНТАЗИЯ; ВОСПОМИНАНИЕ; ДОБРО; ДУМА, РАЗДУМЬЕ, РАЗМЫШЛЕНИЕ; ДУША; ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ОБМАН; ЗЛО; ЗНАНИЕ, УЧЕНОСТЬ; ИСТИНА, ПРАВДА; КЛЕВЕТА; ЛОЖЬ, НЕПРАВДА; МЕЧТА; МОЛВА, СЛУХИ, СПЛЕТНИ; МУДРОСТЬ; МЫСЛЬ; НАУКА, ПРОСВЕЩЕНИЕ; НЕВЕЖЕСТВО; НЕЗНАНИЕ, НЕВЕДЕНИЕ; ПАМЯТЬ; РАЗУМ, УМ; РАССУДОК; РЕЧЬ; РИФМА; СЛАВА; СЛОВО; СОВЕСТЬ; СОЗНАНИЕ; СОМНЕНИЕ; УПРЁК, УКОР; ХВАЛА; ЯЗЫК ('речь')

9. Творчество. Поэтическое творчество ДАРОВАНИЕ, СПОСОБНОСТИ; ИСКУССТВО, ТВОРЧЕСТВО; МУЗЫКА; ПЕНИЕ; ПОЭЗИЯ, ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО; ПОЭТИЧЕСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ, ТВОРЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ; ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ, СТИХИ; СТИХОТВОРНЫЕ СТРОКИ; СТРОФЫ; ТАЛАНТ; ТАНЕЦ

10. Ойкумена ВОСТОК; ГОРОД; ДЕРЕВНЯ; ЗАПАД; МОНАСТЫРЬ; СЕВЕР; УЛИЦА; ЦЕРКОВЬ; ЮГ

11. Социальная жизнь БОЙ, БИТВА, СРАЖЕНИЕ; ВЛАСТЬ; ВОЙНА; ВОЗМЕЗДИЕ, НАКАЗАНИЕ; ВРАЖДА, РАЗДОР; ВЫСТРЕЛЫ, СТРЕЛЬБА; ЗАВИСИМОСТЬ, НЕВОЛЯ; ЗАКОН; ИСТОРИЯ; МИР ('отсутствие

войны'); НАСИЛИЕ; ПОБЕДА; ПОЗОР; РАБСТВО, УГНЕТАНИЕ; СВОБОДА, НЕЗАВИСИМОСТЬ; ТЮРЬМА, ЗАКЛЮЧЕНИЕ

III. БЫТИЕ

БЕССМЕРТИЕ; БУДУЩЕЕ; ВЕЧНОСТЬ; ВРЕМЯ; ЖИЗНЬ, БЫТИЕ; ЗАБВЕНИЕ; ЗАГРОБНЫЙ МИР, ПОТУСТОРОННЕЕ БЫТИЕ (ТОТ СВЕТ); ЗЕМНОЙ МИР, БЫТИЕ (ЭТОТ СВЕТ); МГНОВЕНИЕ; ПРОШЛОЕ, БЫЛОЕ, МИНУВШЕЕ; СМЕРТЬ; СУДЬБА, РОК

IV. РЕЛИГИЯ. МИФОЛОГИЯ

АД; АДАМ; АМУР (КУПИДОН, ЭРОТ); АНГЕЛ; АПОЛЛОН (ФЕБ); БАХУС (ВАКХ, ДИОНИС); БЕС, ЧЁРТ; БОГ; БОГОРОДИЦА; БОРЕЙ; ВЕНЕРА (КИПРИДА, АФРОДИТА); ДЬЯВОЛ, САТАНА; ЕВА; ИИСУС ХРИСТОС; ЛЕТА; МАРС; МОРФЕЙ; МУЗА; НЕПТУН (ПОСЕЙДОН); ПАРКА; ПАРНАС (ПИНД); ПЕГАС; РАЙ; ФЛОРА; ХАРОН; ФОРТУНА ('богиня')

Если выделение разделов I и II не требует, как кажется, специального комментирования, поскольку они находятся в фокусе также и наивной картины мира¹¹, то выделение раздела **III. Бытие** обусловлено пониманием того, что его содержание шире, чем жизнь и смерть человека (в этом случае можно было бы отнести к II. Человек), оно выходит за рамки человеческого существования – в **бессмертие** и **вечность**, в **потустороннее бытие**, в неуправляемые области **времени** и **судьбы**. Отдельный раздел **IV. Религия. Мифология** вобрал в себя явления и сущности мира, параллельного человеку и природе – с **раем** и **адам**, с населяющими его богами и злокозненными существами, со своей рекой (Лета), горой (Парнас), конем (Пегас).

Внимательный взгляд на сгруппированные таким образом поэтические темы обнаружит лакуны и пересечения в перечне обозначений. Например, в II.1. среди наименований человека нет денотата *мужчина*, хотя есть *юноша*, а понятия *девушка* и *женщина* объединены в один комплекс – в поэтическом представлении их оказалось невозможно разделить. В подразделе II.3 среди наименований частей тела нет денотатов *нога*, *живот* – они не привлекали внимание поэтов, также как в II.7 есть *похороны*, но нет, например, *свадьбы*. В подразделе I.7 есть *птица* и *крик птицы*, но для *животного* и *насекомого* соответствующее качество отдельно не выделено (*звук, издаваемый животным или *звук, издаваемый насекомым); в то же время в подразделе II.6 среди предметного мира человека кроме *часов* как механизма выделяется *звучание часов*, но при наличии обозначения *звучание колокола*, *колокольчика* самого предмета *колокол* нет. Таким образом, представляется, что и с точки зрения общезыкового устройства понятийной сферы, собранной в словаре, словарь показывает избирательный характер картины поэтического мира: с одной стороны, не всё, что существует в окружающем мире, проходит через художественное осмысление и отражается в мире поэтическом, с другой – некоторые частные или специфические предметы и явления могут быть выдвинуты в центр поэтического восприятия.

Если говорить о содержании поэтических денотатов, то в поэзии нередко оказываются актуализованными признаки, не свойственные представлениям о данном понятии в общем языке. Полагаем, что образно-ассоциативная информация, специфически присущая поэтическому языку, могла бы быть использована для достройки общезыковой картины мира. Ограничимся лишь одним примером. В отличие от общезыкового представления о небе как верхнем мире (сошлемся на описание концепта **небо** в [6, с. 55-61; авторы М.В. Дудорова и Г.Е. Гуляева]) в поэзии развита и ассоциация неба с нижней

---

¹¹ Для сравнения: авторы проспекта словаря «Концептосфера русского языка» так характеризуют наполнение словаря: в нем описываются «концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, т.е. концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире. К ним относятся прежде всего антропологически значимые концепты, которые связаны с осмыслением сущности человека, его внутренних (физиологических, эмоциональных, интеллектуальных, религиозных и т.п.) и внешних (бытовых, социальных и пр.) потребностей и того, что находится в ближайшем окружении: живая и неживая природа, быт, населенный пункт, транспорт, а также то, что связано с восприятием окружающего мира: время, пространство, цвет, звук и т.п.» [6, с. 9].

бездной, имеющей в основе сему «глубина, измерение, распространяющееся вниз»: *бездна, бездонность, глубина, глубь, дно, жерло, недра, пропасть, пучина* (ср. оригинальную встречную ассоциацию у Тютчева – моря с небом: «Как опрокинутое небо, Пред нами море трепетало...») («Восток белел. Ладья катилась...»). Если, например, в общеязыковом представлении устойчивыми ассоциативно-образными репрезентациями неба являются *купол* и *свод* [6, с. 59], то в языке поэзии оно частотно представляется сводом, опрокинутым выпуклостью вниз и являющимся неким вместилищем, емкостью – от поэтического *чаши, урна* и других сосудов для питья *кружка, кубок, стакан, чашка, фиал* до предметов утвари (и не только столовой) *блюдо, бутылка, миска, таз, тарелка* и далее к более специфическим вместилищам *купель, полость дыни, сот, створа жемчужницы*. В качестве еще одной иллюстрации приведем сопоставление образно-ассоциативного шлейфа значений концепта **радость** из книги [6]¹² и тематической статьи **о радости, удовольствиях** в «Словаре языка поэзии». Образные «приращения» показаны цветным шрифтом, отсутствие соответствующей образной ассоциации обозначено прочерком.

«Концептосфера русского языка»	«Словарь языка поэзии»
Радость – это <i>живое существо</i> («основная метафора»), которое <i>рождается, живет</i> в человеческой душе и сердце, способно <i>приходить и уходить, говорить и молчать</i>	Радость – это ¹³ <i>гостья небесная, дева, дочь великого Отца, первенец творенья, спутница на жизненном пути</i> (периферийный ассоциативный ряд) У Радости есть <i>голос, глас</i> , она издает <i>визг, клики, крик и шум</i>
Радость – это <i>легкая жидкость</i> , которая <i>разливается</i> в человеке, <i>бурлит, переполняет</i> его, <i>переливается</i> через край, человек – это сосуд радости	Радость – это приятное питье: <i>бальзам, вино, мед, нектар, роса, сладость, сок</i> и <i>хмель</i> , радость – это <i>елей</i>
	Радость – это и волна, источник, ключ, поток, струя и ток, т.е. внешнее по отношению к человеку Радость – сама есть сосуд, чаша, фиал
Радость связана с представлением об огне и свете, сиянии	Радость – это сам огонь в виде <i>искра, луч, огни, пламень, пламя, свет, сиянье</i>
	Радость – это источник света: звезда, солнце, день Радость – это и весна, и заря, и лазурь
Радость связана с представлением о празднике	Радость – это <i>праздник светлый</i> (1 пример)
Радость – легкое чувство, связано с перемещением в воздушном пространстве <i>витать в облаках, как птица</i>	Радость – это <i>голубица, летунья, Филомела</i> , с <i>крыльями и перьями</i>
Радость – это болезнь, инфекция, которой можно заразить других и заразиться самому -----	-----
-----	Радость – это цветы, лилея, мак и роза, это сплетенные из цветов венец и венок, это целый сад
-----	Радость – это величественное строение: зданье, чертог, это ворота и порог

Попытка показать представленность образных тем в лирике конца XVIII – первой трети XX вв. демонстрирует как их специфику в сравнении с общеязыковыми концептами, так и то общее понятийное содержание, которое их объединяет. Полагаем,

¹² Данная статья разбирается в предисловии к проспекту словаря ключевых концептов как образец.

¹³Использование в таблице конструкций отождествления «радость – это...» условно, оно принято вместо менее удобных выражений «сближается с...», «ассоциируется с...» и под.

что «Словарь языка поэзии» способен предоставить свой собственный материал для разработки русской языковой картины мира в той ее части, которая формируется поэтическими ассоциативно-образными средствами. Образная картина поэзии XVIII – первой трети XX вв., сложившаяся в результате применения к лирическим текстам лингвистического инструментария, является неотъемлемой частью русской концептосферы именно в силу той значимости, которую имеет русская литература в осознании идентичности русскоязычного мира. Фразы типа «Как там у Пушкина...» или «А еще Северянин сказал...» и под. демонстрируют включенность русской классической поэзии в языковую культурный код.

Мир предметов и явлений может быть описан в проекции русской культуры – не только через языковые инструменты, но и с помощью материальных объектов, а также обычаев народа, так, как это представлено, например, в «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова.

Мир предметов и явлений может быть описан в проекции русского языка, через систему его лексических значений и понятий, так, как это представлено в идеографических словарях – «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой и в будущем словаре «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» Уральской семантической школы.

Мир предметов и явлений может быть описан и в проекции поэтического языка, представленного совокупностью традиционных для русской поэзии тем и специфических средств их выражения, так, как это дается в «Словаре языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века».

Список литературы

1. *Е.С. Кубрякова.* Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. Гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. – С. 26-31.
2. *Д.С. Лихачев.* Концептосфера русского языка / Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – 2-е изд., доп. – СПб.: БЛИЦ, 1999. – С. 147–165. – (Рус. PEN CLUB).
3. *Н.Н. Иванова.* Поэтические номинации в русской лирике. – М.: Наука, 1992. 135 с.
4. *А.Д. Григорьева. Н. Н. Иванова.* Поэтическая фразеология Пушкина / Отв. ред. В. Д. Левин. – М.: Наука, 1969. – 389 с.
5. *Л. Гинзбург.* Частное и общее в лирическом стихотворении // Вопросы литературы. 1984. № 10. – С. 152–175.
6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.
7. *Ю.М. Лотман.* Пушкин. – С.-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. – 847 с.
8. *Н.Н. Иванова.* Лексикография художественной речи: словарь поэтических номинаций // Русистика сегодня. Вып. 2. – М.: Институт русского языка РАН, 1994. – С. 113–133.

Приложение

Тематическая статья «Словаря языка поэзии» состоит из двух частей: списочной и иллюстративной. Первая часть содержит нумерованный перечень образных парадигм. Каждая парадигма – это объединение поэтических номинаций, состоящих из образных слов и их различных определений. Образные слова (выделены полужирным шрифтом) имеют семантический инвариант, развивают однонаправленную ассоциацию и характеризуют обозначаемое с какой-то одной стороны, по какому-то одному общему признаку, черте. Порядок следования парадигм, регулируемый в целом некоторыми общими условиями, индивидуален для каждой словарной статьи. Каждое образное слово открывает собой образный ряд

номинативных единиц, представляющих собой разнообразные реализации сочетаемости образного слова. После каждой образной единицы дается ссылка на источник (сокращенная форма фамилии автора, напр., Бат. = К. Батюшков, Лохв. = М. Лохвицкая, Пушк. = А.С. Пушкин, номер тома издания и страница – в соответствии с Библиографическим указателем словаря).

Вторая часть словарной статьи – иллюстративная – дает контекстные примеры к образным парадигмам первой части. Номера в иллюстративном блоке соотносятся с номерами образных парадигм первой части статьи. Дается один пример на каждый отдельный образный лексико-фразеологический ряд, открываемый данным образным словом. Указывается автор и название произведения.

О РАДОСТИ, УДОВОЛЬСТВИЯХ

- 1. ВЕНЕЦ** радости (Капн. 354), ~ радостей (Капн. 384), ~ отряд (Капн. 351), ~ цветущий (Пушк. II 165), ~ роз (ЗВяз. 261);
ВЕНОК радости свежий (4Жук. 400), ~ радостей (ЗВяз. 144), ~ веселия (Бат. 98), ~ из роз (2Дельв. 228), ~ из роз благоуханный (2Бенед. 137), ~ роз (ЗВяз. 261);
ЦИЛЕЯ веселия (2Бест.-Марл. 57);
МАК [в тв. ср.] (Есен. 368);
РОЗА вчерашняя: л и с т ы вчерашней розы (Пушк. I 240), розы радости (ЗВяз. 100), ~ жизни (Пушк. вар. I 392), ~ жизни алы (2Шалик. 25), ~ нег и сна (Пушк. I 277), ~ нежные (ИИ.Дм. 100), ~ румяные (1Полеж. 384), ~ (чьи) (Бат. 97), розы (Бат. 79, 205, 2Бенед. 51, 229, 2Бест.-Марл. 58, 3Вяз. 102, 4Карамз. 171, 200, Лерм. I 13, Некр. III 76, 2Озноб. 31, Пушк. II 218, 327, VI 78, Раев. 186, Случ. 257, 2В.Туман. 87, 1Шалик. II 163, Щерб. 92), в я з ь роз (Фоф. 102), г и р л я н д а роз (Бальм. 376), п у ч к и роз (2Шалик. 48), с в е ч и роз тонкие (Шерш. 189);
САД радостный (Блок II 162, Гум. 81);
ЦВЕТ радости (Бат. 90, 2Бест.-Марл. 159), ~ радости и воли (2Бест.-Марл. 171), ~ радостей полный (Аксак. 83), ~ веселья (2Мерзл. 291), ~ увядший полевой (о радостях — 4Жук. 128), ~ утехи (Раев. 108), цвет (Случ. 257), цветы благовонные (1Полеж. 164), ~ былого бытия (ЗВяз. 346), ~ веселия (Тучк. 60), ~ веселья (Пушк. II 49), ~ весенние (Барат. 61), ~ волшебные (жизни) (2Бенед. 245), ~ душистые (Раев. 61), ~ жизни (2Бест.-Марл. 169, 4Гипп. 68, 2Козл. 65), ~ жизни лучшие (Жад. 285), ~ забав (2Бест.-Марл. 58, 1Вост. 87), ~ забав и роскоши (Костр. 125), ~ земли (2Балтр. 246, 271), ~ мирские (2Ходас. 201), ~ несознанной весны нездешние (5Гипп. 168), ~ первые (Пушк. I 171), ~ последние (1Полон. 224), ~ существованья милые (Тепл. I 16), ~ существованья давно увядшие (3Хомяк. 36), ~ утехи жизненной прелестные (Урус. 15), ~ утех, отряд, забавы (Костр. 226), ~ яркие (Ратг. 550), цветы (Воейк. 400, 3Вяз. 229, 1Держ. I 24, Озер. 366, Раев. 91, Сурик. 141);
- 2. ИСКРА** отрады (2Фет. 39);
ЛУЧ радости (Капн. 341, Посп. 8, Шалик. Аглая 1808, ч. IV, кн. 2, с. 3), ~ радостей (Урус. 28), ~ веселия (Костр. 108), ~ веселья (4Карамз. 177, 1Шалик. I 95, 180), ~ отрады (1Вост. 256, 1Вяз. 287, ИИ.Дм. 179, Костр. 37, Озер. 242, 314), ~ отрады блестящий (Гнед. 64), ~ отрядный (2Бест.-Марл. 158), ~ светлый (радости) (2Бенед. 246), ~ утехи общей (Лом. 53), лучи (радости) (1Тютч. I 111), ~ божественной награды (2Бенед. 137), лучи (Бальм. 393);
ОГНИ радостей (Хераск. 70);
ПЛАМЕНЬ радости (Кам. 202, 1Мятл. 77);
ПЛАМЯ зорь незакатное (Клюев 124), ~ радостных забот (2Балтр. 29);
СВЕТ веселий (1Тредьяк. I 597), ~ забавы тихий (2Бест.-Марл. 161), ~ отрады (2Балтр. 165, Костр. 92);
СИЯНИЕ радости (Ф.А.Туман. XXXI), ~ (радости) (Барат. 51), сияние (души) (2Бест.-Марл. 180), сияние: р о с с ы п ь сиянья, жизни и тепла (2Сев. 185);
- 3. ВЕСНА** безоблачная (Блок I 288), ~ души (1Фет. 93);
ЗАРЯ отрады (Г.Ив. 89, 2Люц. № 8 с. 120), ~ радостная (2Ходас. 212), заря (чьи) (ЗВяз. 63);
ЛАЗУРЬ веселия (Глинка 114);
- 4. ДЕНЬ** в душе (Блок III 50), дни (Бел. 477);
ЗВЕЗДА далекая [в тв. ср.] (2Козл. 80), звезда [в тв. ср.] (Ф.Алексеев Сев. Сияние, 1831, с. 204), ~ [в ср. с как] (Ф.Алексеев Сев. Сияние, 1831, с. 204);
- СОЛНЦЕ** радости (Тепл. I 164), ~ (в груди) (2Сев. 185), ~ в душе (2Сев. 157), ~ в душе восходящее (2Сев. 157);
- 5. ПРАЗДНИК** светлый (Есен. 70);
- 6. БАЛЬЗАМ** радости (3Бобр. 268);
ВИНО восторга (1Сев. 149), ~ кипучее (Клюш. 494), ~ отрады сладкой (2Шевыр. 352);
ЕЛЕЙ отряд (Капн. 389);
МЕД отрады (Од. 151), мед (Бальм. 423);
НЕКТАР (забав) (ЗВяз. 134), нектар (2Бенед. 140);
РОСА отряд (Лом. 553), ~ целебная [в тв. ср.] (Губер. 138);
СЛАДОСТЬ веселия (1Полеж. 366), ~ радостей (2Мерзл. 58);
СОК из гроздей любви [в тв. ср.] (2Бенед. 140);
ХМЕЛЬ радости (Бутур. 501);
- 7. СОСУД** радостей (Раев. 140);
ЧАША радости (Воейк. 396, 3Вяз. 134, 268, 1Держ. II 102), ~ радости и нег (Лерм. II 56), ~ радостей (Глинка 166, 3Жук. I 12, Некр. I 193, 276), ~ благ земных (ЗВяз. 170), ~ веселий (С.Гл. 145), ~ ликованья (ЗВяз. 63), ~ нег временная (2Майк. 77), ~ отрады (4Жук. 205, Пушк. IV 135), ~ отряд (Гриб. 345), чаши отряд сладчайши (Капн. 385), ~ светлые (2Балтр. 214);
ФИЯЛ утех (Раев. 132);
- 8. ВОЛНА** [в тв. ср.] (Кольц. 87), волны отряд (1Княж. 662);
ИСТОЧНИК радостей (4Карамз. 179);
КЛЮЧ радости (В.Сол. 116), ~ улады (2Бенед. 162), ключи (радости) (Бел. 363);
ПОТОКИ утех (неизв. Вестник Европы, 1812, № 13, с. 9);
РЕКИ радостей (1Держ. I 435);
СТРУЯ веселия (Глинка 115), ~ веселости (2В.Туман. 59), струи радости (Лом. 524), ~ радостей (4Жук. 69), ~ утех (Сиряк. 198);
ТОК отрады (2Сумар. III 78);
- 9. НЕДРА** радости (1Мерзл. I 79);
ПУЧИНА радости, утех (П.Петров 35);
- 10. РАЙ** радостный (Сологуб 465);
- 11. ЗДАНЬЕ** радостное (2Кузм. 30);
ЧЕРТОГ сияющий (Голенищ.-Кутуз. 256);
- 12. ЖЕРТВЕННИК** утех (Капн. 216);
ТРОН утехи (Крыл. III 227), ~ утехам (1Вост. 176);
- 13. ВОРОТА** радостные (Д.Бур. 87);
ПОРОГ (радости) (5Гипп. 136);
- 14. ГОЛУБИЦА** сияняя [в тв. ср.] (Есен. 376);
КРИЛО отряд (Петр. III 96), криле одинакие (Барат. 246), крыла радости (4Хвост. I 14), ~ веселья (Пушк. I 137), крылья радости (Бат. 98, 1Радищ. 175, Урус. 50), ~ быстрые у радости (2Никит. 225), ~ у веселья (2Дельв. 161), ~ (утех) (Барат. 86);
ЛЕТУНЬЯ-радость (Ф.Алексеев Сев. Сияние, 1831, с. 204);
ПЕРЬЯ золотые да яркие у радости (2Никит. 225);
ФИЛОМЕЛА прелестная (2Дельв. 185);
- 15. ПУТЬ** веселия (Раев. 137);
СТЕЗЯ веселия (3Жук. I 46), ~ забавы скромная (Бат. 86);

16. **НИТЬ** радостей короткая (Лохв. 615), нити веселья (Пушк. III 129);
ПОЛОСЫ радости (Шерш. 64);
17. **ЛОЖЕ** веселостей мягкое (Костр. 137);
ЛОНО радостей (IШолеж. 93), ~ мира и отрад (Пушк. I 79), ~ утех (Глинка 140);
18. **ГОСТЬЯ** небесная [в тв. ср.] (2Бенед. 139);
ДЕВА: радость-дева (Некр. I 229);
ДЩЕРЬ великого Отца (2Тютч. 71);
ПЕРВЕНЕЦ творенья (2Тютч. 71);
СПУТНИЦА на жизненном пути (1Милон. 110);
19. **РУКА** радости младенческая (Мар. 75), ~ беспечная (радости) (Пушк. II 400), ~ тонкая (Клюев 124);
20. **ВИЗГ** радостей (Шерш. 177);
ГЛАС неги любезный (4Хвост. I 81);
ГОЛОС радости (Ахм. 140, 2В.Туман. 59);
КЛИКИ радости (Пушк. II 265);
КРИК радости (Толст. 63);
ШУМ радости (Шерш. 122);
21. **МУЗЫКИ** радостей: б р о ж е н ь е музык (Шерш. 177);
ПЕСНИ радости (Фоф. 41);
22. **НАУКИ** радостные: г и п о т е з ы радостных наук (Цвет. 19);
ЯЗЫК радости (Манд. 116);
23. **ВОСТОРГИ** радости (1Княж. 624);
24. **СОН** радости мимолетный (Анн. 148), сон [в ср. с как] (2Кузм. 35);
25. **ТЩЕТА** утех (Барат. 109);
26. **ДЫМ** веселий пустой (Бат. 193);
ЧАД утех (4Вен. 315);
27. **ИГО** радости (2Балтр. 98);
28. **АЛМАЗ** (Радости) (2Тютч. 73);
29. **ПЛОДЫ** радости приятные (Лом. 291);
ЯБЛОКО радости (Есен. 182);
30. **МЯТЕЛЬ** снежная [в ср. с как] (2Кузм. 35);
31. **РУБЛИ** радости (Шерш. 94);
32. **ОБЪЕДКИ** радости (Шерш. 98);
33. **КООПЕРАТИВЫ** веселья (Шерш. 147);
34. **СТРЕЛА** пернатая [в тв. ср.] (2Козл. 8);
35. **СОММ** радостей игривый (2Озноб. 116);
1. Бог, чтоб безмятежну / Украсить жизнь *венцом отрад*, / Пошлет тебе супругу нежну (*Капн., На счастье*); Младость легкая порхает / В свежем радости венке, / И прекрасно перед нею / Жизнь цветами убрана (*Жук., Тоска*); Почто же волею своею / Страдать подобно Прометею, / Топтать *веселья лилею*, / Печалью свой туманить взор? (*Бест.-Марл., К К<реницин>*); *Маком* влюбленное сердце цветет, / Только не мне она песни поет (*Есен., Белая свитка и алый кушак.*); В младые лета *розы* нам / Дороже лавров Геликона (*Пушк., Разговор книгопродавца с поэтом*); Я вышел в путь и весело иду, / То отдыхаю в *радостном саду*, / То наклоняюсь к пропастям и безднам (*Гум., Сонет*); Блажен, кто легкою рукою / Весной умел срывать *весенние цветы* / И в мире жил с самим собою (*Барат., Послание б<арону> Дельвигу*);
2. А в сердце ни *искры отрады* / И нечем прогнать эту мглу! (*Фет, Шумела полночная вьюга.*); Моя последняя любовь! / На вечерюющий мой день / *Отрады луч* пролей ты вновь (*Вяз., 14 января в Веце*); Россия светом озарилась, / В ней зрима *радостей огни* (*Хераск., Ода. на день.. восшествия на всероссийский престол 1791 года*); В ней (душе. — *О. И.) пламень радости* горит, / И изливается рекою, / Как дань любви перед тобою (*Мягл., День рождения матери*); Радость незримо придет, / И над вечерними нами / Тонкой рукою зажжет / *Зорь незакатное пламя* (*Клюев, Александру Блоку, П*); Ангел мира — — Лиет *отрады свет* трепещущей земле (*Костр., Епистола на всерадостный день восшествия на престол.. Екатерины II 1786 года*); С тоской на радость я гляжу, — / Не для меня *ее сиянье* (*Барат., Ропот*);
3. Я вами осужден, свидетели немые / *Весны души* моей и сумрачной зимы (*Фет, Старые письма*); Был я робок и опаслив, / Но на *радостной заре* / Буду светел, буду счастлив / Жертвой пасть на алтаре (*Ходас., Deo ignoto*); В моей душе *веселья лазурь*, / Как свод небес, в тебе изображался (*Глинка, Мечтания на берегах Волги*);
4. К чему спускаться на окна шторы? / *День догорел в душе* давно (*Блок, Весенний день прошел без дела.*); Зачем, небесная, летишь / Пернатую стрелою / И в мраке бедствия горишь / *Далекою звездою!* (*Козл., К радости*); В моей *душе* восходит *солнце*, / Гоня невзгодную зиму (*Сев., Поза о солнце в душе восходящем*);
- * Да, братцы, это так, я не под пару вам, / То я весь в *солнце*, то в тумане, / Веселость у меня с печалью пополам / Как золото на черной ткани (*Толст., Да, братцы, это так.*);
5. Теперь бы песню ветра / И нежное баю — / За то — — — что *праздник светлый* / Влила ты в грудь мою (*Есен., О муза, друг мой гибкий.*);
6. И *радости бальзам* влиять / Заутро в удрученно сердце (*Бобр., Херсонида*); Эх, только б миг пожить мне радостью былою!!! / Былою радостью?.. Зачем тебе она — / *Вино кипучее* в сосуд тоски сердечной? (*Клюш., Весна*); Зри скорбью грудь мою раздранну; / Пролив в нее *отрад елей*, / Ты облегчи сердечну рану (*Капн., Бренность красоты*); И сквозь нее небесные уста / По капле им точили *мед отрады*... (*Од., [М. Н. Волконской]*); На пир роскошества влекли меня забавы; / Но сколько в *нектар их* я пролил горьких слез, / И чаша радости была сосуд отравы (*Вяз., Уныние*); К нам снидет от Тебя всегда *отрад роса* (*Лом., Прозект фейерверка. 1754 года*); Кипит в сердцах восторг живой: / Все пьют *веселья сладость* (*Полеж., Оскар Альвский*); Ты *соком из гроздей любви* набежала — / О братья! вот нектар, — идите на пир! (*Бенед., Радость и горе*); В те дни нет *хмелья радости* удалой, / Печали нет во мне, как нет желанья, / И сказкою докучливой и вялой / Звучат уму припевы упованья (*Бутур., Уныние*);
7. Мне суждено *сосуд всех радостей* испить. / Из рук любви.. (*Раев., К моей спящей*); Но между тем в задумчивости нежной / Она грешит, — прелестна и томна, / И *чащу* пьет *отрады* безмятежной (*Пушк., Гавриилиада*); С бестрепетной душою / Испьем *фиал утех* до дна / И ступим в гроб ногою (*Раев., Обет*);
- * Он радость бытия из *полной чаши* пьет (*Жук., Младенец*);
8. Сии младые блажи, / Не мысля о царях, / Плывут *отрад* в волнах (*Княж., Письмо к гг. Д. и А.*); Во мне цвет жизни обновила / И в горестной душе моей / *Источник радостей* открыла (*Карамз., Послание к женицинам*); Но скрытой *радости* в душе остался *ключ*, / И не погаснет в ней до вечного свиданья / Один таинственный и неизменный луч (*В.Сол., А. А. Фету*); *Потоками утех* сердца / Он упоет (*неизв., Песни.*); Жить для себя лишь одного, / Лишь *радостью* уметь пить *реки* (*Держ., Вельможка*); Прольется ль в томну грудь *веселья струя*, / И буду ль, буду ль счастлив я?.. (*Глинка, Мечтания на берегах Волги*); От скипетра его лиется *ток отрады* (*Сумар., Гамлет*);

9. Но Бог правды, поздно, рано, / В свете дня и в тьме ночной, / В *недрах радости* самой, / Суд свершает над тираном (*Мерзл., Электра и Орест*); Но капля скорби отравляет / *Пучину радости, утех!* (*П.Петров, О неудовольствии людей*);
10. Дульцинея, светлая царица / *Радостного рая*, умерла! (*Солозуб, Дон-Кихот путей не выбирает..*);
11. «Вы — дети не изгнания!» / Прокликая Параклит / И *радостное зданье* / Построить нам велит (*Кузм., Унылый дух от'иди!..*); В *чертог сияющий* из мрака ночи черной / Умолкшего певца, о муза, не зови (*Голенич-Кутуз., О муза, не зови и взором не ласкай!..*);
12. Все ваше бедствие в блаженство превратится, / Вам *жертвенник утех* навеки воскурится (*Капн., Антигона*); Любовь, веселости и смехи / В кустах им ставят *трон утех* (*Крыл., Ода Утро*);
13. У *радостных ворот*, / Поникий утомленно, / Под тяжестью огромной / Желаний рабых — крот (*Д.Бур., У радостных ворот..*); Нет! Сердце к радости лишь вечно приближалось, / *Ее порога* не желая преступать (*Гипп., Нет*);
14. Только радость *синей голубицей* / Канет в темноту (*Есен., Свищет ветер под крутым забором..*); Ах, у *радости быстрые крылья*, / *Золотые да яркие перья!* / Прилетит — вся душа вострепнется, / Перед смертью большой улыбнется! (*Никит., Ах, у радости быстрые крылья..*); Я в заключеньи изнывал, / Но безутешный, безнадежный / *Летуны-радости* не знал (*Ф.Алексеев, Радость*); А радость? Она — *Филомела / Прелестная*. Только в дни розы, / Только в дни юности попоет сладкозвучные песни / И вспорхнет! (*Дельв., Евгению*);
15. При шуме упоенья / Меня на *путь веселья* / Опять не воззовет! (*Раев., Подражание Горацию*); О, небо, пусть идет *веселия стезей!* (*Жук., При посылке альбома*);
16. На *нити праздного веселья* / Низал он хитрою <рукой> / *Прозрачной лести ожерелья* / И четки мудрости златой (*Пушк., В прохладе сладостной фонтанов..*); *Полосы шампанской радости* и смуглый сплин / Чередуются, как кожа зебр (*Шери., Вечер был ужасно туберозен..*);
17. О вы, что мглой свирепств рассудок омрача, / И человечеству дверь к сердцу заклоча, / *Веселостей* своих уснув на *мягком ложе*, / Сей сон считаете всего для вас дороже! (*Костр., Идиллия Каллидор*); Спешите на лоно сладострастья, / На *лоно радостей* земных (*Полеж., Кольцо*);
18. О радость! *небесной ты гостьей* слетела / И мне взволновала уснувшую грудь (*Бенед., Радость и горе*); Скоро... вестницею гнева / Всемогущего творца, / Скрыла с неба *радость-дева* / Прелесть юного лица (*Некр., Землетрясение, II*); Радость, *первенец творенья*, / *Дщерь великого Отца*, / Мы, как жертву прославленья, / *Предаем тебе сердца!* (*Тютч., Песнь радости*); И радость, *спутница на жизненном пути* (*Милон., Бедный поэт*);
19. *Беспечною рукой* меня венчала радость (*Пушк., Андрей Шенье*);
20. Жена, внимай броженью музык / И *визгу радостей* земных (*Шери., Слова о верности*); Вы, презря *неги глас любезный*, / Умели обществу полезный, / Тяжелый подвиг совершить (*Хвост., Императорской российской Академии*); И молнии огонь летучий / И *голос радости* могучей, / Как ангелы, сойдут ко мне (*Ахм., Как странно изменилось тело..*); Я знал досуг — — — // Красы лаис, заветные пиры, / И *клики радости* безумной, / И мирных Муз минутные дары (*Пушк., <В. Ф. Раевскому>*); Свободные звуки, / Журча, потекли — — — / В них голос природы, / В них гнева язык, / В них детские годы, / В них *радости крик!* (*Толст., Цыганские песни*); В хрупкой раковине женщины всего *шума радости* не унесу! (*Шери., Принцип импрессионизма*);
21. Жена, внимай *броженью музык* / И *визгу радостей* земных (*Шери., Слово о верности*); Воскресают предо мной / Слезы прежнего страданья, / *Песни радости* былой... (*Фоф., Отзвучали струны сердца..*);
22. Дети — это солнце в пасмурных мотивах, / Целый мир *гипотез радостных наук* (*Цвет., Мирок*); О нашей жизни скудная основа, / Куда как *беден радости язык!* (*Манд., Tristia*);
23. Аделанды тень, представ моим очам, / В *восторги радости* мой дух приводит там (*Княж., Письмо Комменжа к матери*); Живую душу всюду ждет / И яркий миг, и светлый год, / И *пламя радостных забот...* (*Балтр., La Gaja scienza, I*); Но любит вспоминать он были прежних лет — — — / Мечтанья юности, восторги сладострастья, / *Обманы радости* и ветреного счастья (*Барат., Отрывки из поэмы «Воспоминания»*); То упоительны, торжественны, игривы (звуки. — *О. И.*), — — — / Как юношеских дум возвышенный полет / И *детской радости порывы!* (*Язык, Е. Н. Мандрыкиной*); ..на свете все переменно, / В нем счастья прямого нет; / *Улыбка радости* мгновенна, / Мгновенна горечь лютых бед (*Милон., К другу*); В те дни нет *хмелья радости удалой*, / Печали нет во мне, как нет желанья (*Бутур., Уныние*);
24. ..и на крыльях у ней (птицы-времени. — *О. И.*) — твоя сила, / *Радости сон мимолетный*, надежд золотые лохмотья... (*Анн., Nocturno*);
25. Но вы, судьбину испытывавшие, / *Тицету утех*, печали власть, / Вы, знанье бытия приывшие, / Себе на тягостную часть! // Гоните прочь их рои прельстительный (*Барат., Две доли*);
26. Веселий шумных мы забудем *дым пустой*: / Он скуку навсегда ведет лишь за собой (*Бат., Послание к Хлое*); Пусть вокруг него в *чаду утех* / Бушует ветреная младость (*Вен., Поэт*);
27. Ни жалобы, ни боли своевольной... / Ни *ига зыбкой радости* людской... / Лишь кроткий свет молитвы безглагольной, / И знание без мысли, и покой... (*Балтр., Восхождение*);
28. В горьком опыта фиале / *Твой* (Радости. — *О.И.*) алмаз на дне горит (*Тютч., Песнь радости*);
29. И, ставя нын столпы с Твоею похвалою, / Вкушаем *радости приятные плоды* (*Лом., Надпись на иллуминацию .. 1750 года*); Все мы *яблоко радости* носим, / И разбойный нам близок свист... (*Есен., Кобыльи корабли, 5*);
30. И Божьи радости мелькнули, / Как сон, как *снежная мятель...* (*Кузм., Лермонтову*);
31. Так и я непробудно, не считая потери и / Не копя *рубли радости* моей / Подводил в лирической бухгалтерии / *Балансы моих великолепных дней!* (*Шери., Принцип мецанской концепции*);
32. Неужели же вечно *радости объедки* / Навсегда ль это всюдное «бы»? (*Шери., Содержание плюс горечь*);
33. Давайте, докажем, что родились мы в сорочке, / Мы поэты, хранители золотого безделья, / Давайте устроимте в каждой строчке / *Кооперативы веселья* (*Шери., Кооперативы веселья*);
34. Зачем, небесная, летишь / *Пернатою стрелою* / И в мраке бедствия горишь / Далекою звездой! (*Козл., К радости*);
35. Зачем же на сердце мне горесть наводить? / Вокруг меня *сонм радостей игривый* (*Озноб., Фивский царь*).

The world of objects and concepts of Russian lyrics in the projection of «Dictionary of poetic language. The expressive means of Russian lyric poetry late XVIII - early XX century»

В статье анализируется материал «Словаря языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века» в аспекте изучения русской языковой картины мира – в той ее части, которая формируется поэтическими ассоциативно-образными средствами. На конкретных примерах показаны специфика поэтических тем в сравнении с общеязыковыми концептами и их общее понятийное содержание.

Ключевые слова: русская лирика, язык поэзии, словарь языка поэзии, поэтическая номинация, концепт, языковая картина мира

The article analyzes the Dictionary's material as far as it concerns studying the picture of the world in the Russian language - in that part of it which is formed by poetic associative means. Some particular examples illustrate specific poetic views of the world in comparison with the common language concepts and their general conceptual content.

Keywords: Russian lyrics, poetic language, Dictionary of poetic language, poetic nomination, concept, language picture of the world